

ОТЗЫВ

**официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора юридических наук
Седовой Жанны Игоревны**

**на тему: «Международно-правовой принцип добросовестности как основа
регулирования частноправовых отношений»
по специальностям 5.1.5. Международно-правовые науки, 5.1.3. Частно-
правовые (цивилистические) науки**

Актуальность избранной темы исследования. Актуальность выбранной автором темы исследования у официального оппонента не вызывает никаких сомнений. Проблема определения «добросовестного» / «недобросовестного», с одной стороны, относится к «вечным» темам исследования, которые волновали и волнуют представителей гуманитарных наук во все времена. С другой стороны, у этой проблемы есть вполне конкретный аспект, заключающийся в том, как понимаются данные феномены в конкретной правовой системе, как они используются (понимаются, интерпретируются) правотворцем при создании нормы, и как применяются для разрешения правовых конфликтов (споров). Фундаментально, хотя и, конечно, несколько упрощенно, можно рассмотреть здесь два подхода – субсидиарный, когда имеются определенные правоположения, регулирующие различные правоотношения, и когда правотворец использует технический прием дополнения при применении таких норм возможностью при выявившемся отсутствии регулирования или конкуренции регулирования принципа добросовестности для решения конкретного конфликта (спора), и подход, заключающийся в более широком использовании идеи, подхода о добросовестности при оценке поведения сторон спора, не связанный с наличием пробела, неопределенности регулирования. Оба этих подхода требуют тщательного анализа; результаты такого анализа имеют фундаментальное значение для развития правовой системы любого государства. Именно этим – указанным анализом – и занялся автор представленного диссертационного исследования.

Имеются и весьма практические предпосылки для такого рода исследования – в процессе правотворчества и правоприменения идея добросовестности «обрастает» различными «маркерами», что затрудняет правоприменение и требует тщательного анализа, выделения таких «маркеров», выяснения соотношения между ними, наведения элементарного порядка в используемой терминологии. Этот – практикоориентированный – аспект также подтверждает актуальность представленного исследования.

Соответствующий аспект исследования хорошо виден в представленной работе. Автор показывает и доказывает, что при анализе принципа добросовестности как сверхимперативной нормы права, общепризнанного принципа международного права, нормы *jus cogens* и общего принципа права (*стр. 54 – 84 диссертации*) необходимо разобраться в соотношении терминов и дефиниций всех правовых понятий, обозначающих сверхимперативные принципы и нормы. Красной «нитью» в работе проходит мысль о том, что одним из важных вопросов для права является установление сходства и различий между обозначающими принципы права юридическими терминами, используемыми международными и национальными нормативными актами, а также в актах международных и высших российских судов: «общие принципы права»; «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»; «общепризнанный в цивилизованных государствах принцип»; «императивная норма общего международного права (*jus cogens*)»; «общепризнанные принципы и нормы международного права»; «преобладающие императивные положения»; «нормы непосредственного применения»; «положения, от которых не разрешается отступать посредством соглашения»; «публичный порядок» (*стр. 6, 54-84 и др. диссертации*); автор отмечает, что одной из задач исследования является определить место в праве принципа добросовестности как общего принципа права, нормы *jus cogens*, общепризнанного принципа международного права (*стр. 16 диссертации*); автор отмечает, что в основе каждого из указанных правовых терминов лежит добросовестность, что позволяет провести их сравнительно-правовой анализ. Немаловажно подчеркнуть, что проведенное исследование коррелирует с работой Комиссии по международному праву ООН по разработке конвенций об императивных нормах общего международного права (*jus cogens*) и об общих

принципах права, где принцип добросовестности играет важную роль (*стр. 74 – 77 диссертации*).

Актуальность исследования, его теоретическую и практическую важность подчеркивает определение круга явлений, которые охватываются понятием «недобросовестное поведение». Примеры такого поведения различны, более того, само понимание «недобросовестного» подвижно; на его понимание оказывает влияние развитие общественных отношений, включая и современные процессы виртуализации общественных отношений, заставляющие по-новому посмотреть на это явление (*стр. 31, 36, 167 – 186, 279 и др. диссертации*). Вопросы недобросовестного поведения автор рассматривает не только с точки зрения подходов национального права, но и с учетом анализа регулирования, складывающегося в рамках различных интеграционных объединений (*стр. 224 – 232 и мн. др. диссертации*).

В целом, перед нами довольно целостное, основанное на исследовании как правовых, так и неправовых (идей) аспектов «добросовестности» / «недобросовестности», что, вне всякого сомнения, подчеркивает его теоретическую и практическую значимость и актуальность.

Структура работы. Диссертация состоит из 569 страниц. В структуре диссертации имеются введение (*стр. 5 – 53 диссертации*), четыре главы (*стр. 54 – 468 диссертации*), заключение (*стр. 469 – 473 диссертации*), таблица (приложение № 1 к диссертации) (*стр. 474 – 486 диссертации*), список использованных источников и литературы (*стр. 487 – 569 диссертации*).

В целом, структуру работы официальный оппонент оценивает как достаточно логичную; выбранная структура позволила системно рассмотреть вопросы, необходимые для формирования научно обоснованных выводов и предложений.

Глава 1 (*стр. 54 – 186 диссертации*) «Развитие понятий «добросовестное поведение» и «недобросовестное поведение» в процессе становления принципа добросовестности в праве» состоит из пяти параграфов («Принцип добросовестности как общий принцип права, норма *jus cogens*, сверхимперативная норма права», «Влияние культурных традиций, норм религии, морали и права на формирование представления о недобросовестном поведении», «Взаимосвязь принципов справедливости и добросовестности», «Принцип добросовестности в

международном и гражданском праве», «Роль принципа добросовестности в регулировании киберпространства и запрете цифрового недобросовестного поведения»). Как показывает анализ структуры этой главы и ее содержания, в ней автор прослеживает путь развития принципа добросовестности от обычной нормы права, вобравшей в себя религиозные постулаты, моральные и нравственные устои, культурные ценности и традиции, до момента достижения своего правового оформления в нормах международного права (*стр. 54 – 104 диссертации*).

Автор обосновал, что первые требования добросовестности закреплены в религиозных источниках. «Золотое правило» морали и самые ранние запреты недобросовестного поведения были издревле введены мировыми религиями (*стр. 28 – 29, 88 – 91, 102 – 103 диссертации*), а религиозный страх божественной кары был гарантом соблюдения древних международных договоров о дружбе и мире со времен античности (*стр. 68, 102 диссертации*).

В диссертации приведены примеры достижения принципом добросовестности своего правового оформления в нормах международного права (на примере Гаагской Конвенции о мирном решении международных столкновений 1899 г., Гаагской Конвенции о мирном решении международных споров 1907 г., Статута Лиги Наций 1919 г., Устава Организации Объединённых Наций, Статута Международного Суда 1945 г., Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., Декларации ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций 1970 г., Венской конвенцией о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г., Конвенции по морскому праву 1982 г., Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 и др.)

Автор определяет сверхимперативный принцип добросовестности как общий принцип права, императивную норму общего международного права (*jus cogens*) и общепризнанный принцип международного права (*стр. 54 – 84 диссертации*), демонстрирует системную взаимосвязь принципов справедливости и добросовестности (*стр. 104 – 118 диссертации*).

При анализе применения принципа добросовестности в международном праве особый интерес в работе вызвали способы оценки судом добросовестности (недобросовестности) поведения государства в международном праве:

- присвоение государству противоправного поведения субъектов, которые не являются государственными, но которые осуществляют элементы государственной власти или функции государственного характера (*стр. 125 -127 диссертации*);

- оценка эффективности поведения государства, включающая в себя эффективность действий государственных органов: эффективное применение законов; эффективное предупреждение случаев неправомерного поведения, включая установление эффективных мер борьбы с противоправным поведением; эффективный судебный контроль и т.п. (*стр. 127 – 130 диссертации*).

Автор доказывает, что ряд критериев и требований о добросовестности сформировался в недрах международного права, например: 1) концепция добросовестного приобретателя имущества, ранее неправомерно выбывшего из чужого законного владения (а XVIII в. существовало правило «пират не заменяет собственника» («*pirata non mutat dominium*»), согласно которому имущество, похищенное пиратами, юридически оставалось собственностью лиц, у которых оно было похищено, за исключением ситуации, когда похищенное имущество в соответствии с национальным правом успело перейти в собственность добросовестного приобретателя, находящегося в неведении о факте неправомерного захвата пиратами имущества силой) – *стр. 121 диссертации*; 2) правило о последствиях недействительности международного договора, когда в случае его недействительности применяется правило возврата сторон такого договора к исходному состоянию. Если действия по договору были осуществлены с полной уверенностью в действительности договора, то любая сторона договора вправе потребовать от другой стороны создать, насколько это возможно во взаимных отношениях, такое положение сторон, которое существовало, как если бы действия по договору не были предприняты (*стр. 122 – 123 диссертации*); 3) презумпция добросовестности является общепризнанным постулатом, действующим до тех пор, пока не будет доказана судом недобросовестность или намеренное причинение вреда, в связи с чем никто не обязан доказывать свою добросовестность, так как бремя доказывания недобросовестности лежит на том субъекте международного права, который заявляет о недобросовестности другого субъекта (*стр. 125 диссертации*); 4) эстоппель как юридический механизм международного права, обязывающий отступившее от своей первоначальной, ранее заявленной, позиции государство компенсировать ущерб другим государствам, добросовестно

положившимся на ранее высказанную им позицию и предпринявшим действия экономического характера или воздержавшимся от них.

Отдельным направлением исследования является применение принципа добросовестности для регулирования цифровых правоотношений в киберпространстве (*стр. 167 – 186 диссертации*). Автор подчеркивает стремительное развитие различных видов недобросовестного цифрового поведения из-за недостаточности государственного регулирования в этой сфере и быстрого развития цифровых технологий, в связи с чем выделяет ряд недобросовестных практик в киберпространстве и формулирует рекомендации по борьбе с кибернедобросовестностью.

Глава 2 (*стр. 187 – 262 диссертации*) «Отрицание недобросовестного поведения как метод правового регулирования, основанный на принципе добросовестности» объединила четыре параграфа («Метод правового регулирования, выраженный в отрицании», «Недобросовестное поведение как объект отрицания», «Право на запрет недобросовестного поведения», «Применение принципа добросовестности во внесудебном и судебном порядках»). В главе 2 работы автор доказывает существование метода правового регулирования – отрицание недобросовестного поведения (*стр. 187 – 262 диссертации*), свойственного принципу добросовестности. Диссертант разрабатывает понятие «отрицания» в праве, и на базе анализа методов правового регулирования в международном праве и гражданском праве делает вывод, что определяющим значением отрицания недобросовестного поведения в праве является то, что оно представляет собой метод правового регулирования, выраженный в применении участниками правоотношений и судами способов правового регулирования (запретов, обязываний и дозволений, основанных на принципе добросовестности) и соответствующих им правовых средств (*стр. 192 диссертации*).

Особенностью данной главы является исследование автором критериев и требований добросовестности через призму ее антипода – недобросовестности, а также диалектического единства добросовестности и недобросовестности (*стр. 214 – 219 диссертации*).

Автор на базе изученных источников международного права считает, что введение в правовые акты норм-запретов выявленных судебной практикой недобросовестных практик является наиболее эффективным способом

противодействия недобросовестному поведению, в связи с чем неслучайно в новых нормах международного права все чаще используется метод правового регулирования – отрицание недобросовестного поведения, то есть международное право идет по пути установления выявленных судебной практикой запретов недобросовестного поведения: через признание его недопустимым и неприемлемым в любых вариациях, известных практике по состоянию на сегодняшний день (*стр. 224 диссертации*).

Автор анализирует правовые понятия «поведение», сформировавшееся также и в естественных науках (психологии, социологии, физиологии), и «недобросовестное поведение», выделены присущие им юридические характеристики, что несомненно является полезным для правильной квалификации поведения в споре. В работе проведен сравнительно-правовой анализ таких юридических понятий, как «правовое и неправовое поведение», «правомерное и неправомерное поведение», «добросовестное и недобросовестное поведение» на предмет их соотношения (*стр. 201 - 219 диссертации*).

Глава 3 (*стр. 263 – 417 диссертации*) «Содержание и классификация отрицания недобросовестного поведения» содержит два параграфа («Отрицание недобросовестного поведения: классификация и правовые средства», «Виды отрицания недобросовестного поведения и их содержание») и является самой большой по объему во всей структуре диссертации.

Данная глава посвящена разработке концепции отрицания недобросовестного поведения. В рамках этой концепции автор систематизирует виды отрицания недобросовестного поведения; формулирует виды отрицания недобросовестного поведения (*стр. 268 – 270 диссертации*), раскрывая содержание каждого из них (*стр. 279 – 417 диссертации*).

Официальный оппонент отмечает в качестве достоинства работы наполненность главы практическими примерами частноправовой практики по защите от недобросовестного поведения участников гражданского оборота (*стр. 329 – 334 диссертации*).

В главе 4 (*стр. 418 – 468 диссертации*) «Эстоппель как санкция за недобросовестное поведение», объединяющей три параграфа («Понятие и правовая природа эстоппеля», «Соотношение эстоппеля с принципами права и правовыми доктринами», «Закрепление эстоппеля в российском материальном и

процессуальном праве») автор исследует доктрину эстоппеля в международном и зарубежном праве, а также на базе анализа практики применения эстоппеля Верховным Судом РФ формулирует пределы действия эстоппеля (стр. 468 диссертации). По результатам исследования в данной главе автор приходит к выводу, что эстоппель – это правовой механизм защиты и санкция за нарушение требований добросовестности.

Приложение № 1 к диссертации «Таблица соотношения видов и правовых средств отрицания недобросовестного поведения» (стр. 474 – 486 диссертации) содержит: виды отрицания недобросовестного поведения; классификацию отрицания по способу правового регулирования; соответствующие каждому из видов отрицания правовые средства; участников правоотношения.

Достоверность и аргументированность выводов и иных положений исследования, научный аппарат. В диссертации имеется раздел «Список использованных источников и литературы» (стр. 487 – 569 диссертации), в котором указаны 765 источников.

Данный раздел диссертации подразделяется на подразделы: 1. Нормативные правовые акты (международные договоры и рекомендации – 22 источника; право интеграционных группировок государств, союзов – 14 источников; законодательство и рекомендации РФ – 49 источников; законодательство иностранных государств – 13 источников); 2. Судебные решения (судебные решения, обзоры и проч. – 100 источников; решения и иные акты международных судов – 75 источников); 3. Литература (на русском языке – 366 источников; на иностранных языках – 60 источников); 4. Электронные ресурсы – 45 источников; 5. Иные источники – 21.

Изучение диссертации показывает тщательность в подборе автором используемых источников. Официальный оппонент не может не отметить этот момент как положительно характеризующий исследование.

Автор внимательно изучил и критически оценил значительный объем отечественной литературы по теме исследования; положительно официальный оппонент оценивает использование не только работ по международному публичному праву, международному частному праву и гражданскому праву, международной и национальной судебной практики (в чем проявился междисциплинарный подход в исследовании), но и трудов по теории

международного права и общей теории государства и права, а также ряда исследований наук гуманитарного цикла (история, философия и др.).

Цель и задачи исследования. На *стр. 15 диссертации* его цель сформулирована следующим образом: «сформулировать универсальные виды отрицания недобросовестного поведения, присущие разным сферам правоотношений в правовых системах разных стран, чтобы обосновать возможность регулирования частноправовых отношений непосредственно международно-правовым принципом добросовестности за счет его свойства нормативной автономности и присущего ему самостоятельного метода правового регулирования».

По мнению официального оппонента, такая постановка цели требует некоторого пояснения в ходе публичной защиты.

Подход автора диссертации понятен и неоднократно указан в тексте работы; к примеру, на *стр. 5 диссертации* автор пишет, что «добросовестность, как правовое понятие и как принцип права, невозможно понять без ее антипода (недобросовестности, недобросовестного поведения)».

И, тем не менее, такая формулировка цели несколько диссонирует с названием работы – «Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений». Согласно указанному названию, да и содержанию в целом, цель работы все-таки должна быть (как думает официальный оппонент) несколько иной – в центре внимания (цель) должна быть сама «добросовестность» и как идея, и как принцип; «отрицание недобросовестного поведения» – это лишь один из элементов для достижения соответствующей цели. Об этом же указывает логика автора при постановке 17 задач исследования (*стр. 16 – 17 диссертации*), где вопросы исследования «антипода» логично указаны в качестве 5-й задачи («обосновать, что «добросовестность» и «недобросовестность» существуют в диалектическом единстве, в связи с чем добросовестность невозможно познать и распознать без ее антипода»).

Поставленные задачи, при этом, отражают логику и структуру исследования; в целом, эти задачи можно считать в ходе исследования достигнутыми.

Новизна, практическая и теоретическая значимость исследования.

Научная новизна сформулирована автором на *стр. 22 – 25 диссертации* следующим образом: «автор:

- обосновал, что принцип добросовестности, как общий принцип права, норма *jus cogens*, сверхимперативная норма права, обладает таким свойством, как нормативная автономность, что позволяет международным и национальным судам применять принцип добросовестности непосредственно для целей создания прав и обязанностей, выводимых из него как такового, даже если договор или нормативный акт не содержат этих прав и обязанностей. На нормативной автономности принципа добросовестности автором обоснована возможность отрицания судом недобросовестного поведения даже в отсутствие в праве четко сформулированной нормы, запрещающей конкретный вид недобросовестного поведения. Наличие нормативной автономности принципа добросовестности подтверждается: 1) тем, что принцип добросовестности является основой, фундаментом для формирования новых норм права, а значит, может создавать и новые обязательства; 2) тем, что существует *lex mercatoria* как массив источников, объединенных только сферой правового регулирования, из разных правовых систем (международной и национальной) и разной юридической силы (обязательные и рекомендательные); 3) в международном частном праве через критерии формулирования подразумеваемых обязательств в сфере регулирования международной торговли, когда обязанности сторон выводятся не из внешнеэкономического договора, а из честной и деловой практики в этой сфере; 4) интегративным правоприменением; 5) наличием у принципа добросовестности собственного метода правового регулирования – отрицание недобросовестного поведения.

Автор дает собственное определение понятия «принцип добросовестности» – это норма-принцип (общий принцип права и норма *jus cogens*): 1) обладающий сверхимперативной юридической силой; 2) являющийся составной частью публичных порядков (международного и национальных); 3) являющийся нормой прямого действия, а не только субсидиарного; 4) обладающий собственным методом правового регулирования, а именно, регулирует общественные отношения посредством отрицания всех видов недобросовестного поведения; 5) критерии, характеристики, признаки и требования которого содержатся в международных и национальных источниках права (обязательных и рекомендательных), судебных

правовых позициях, особых мнениях судей (арбитров); 6) обладающий нормативной автономностью, то есть на его основе суд вправе формулировать обязательства сторон спора, не закрепленные договором или нормой права; 7) характеризующийся возможностью интегративного правоприменения, то есть правоприменитель или любой другой субъект права, защищающий свои законные интересы, вправе применить критерии, характеристики, признаки и требования принципа добросовестности, однажды сформулированные в нормах права (независимо от отрасли права и их юридической силы), судебных правовых позициях, особых мнениях судей (арбитров); 8) являющийся основой межотраслевой аналогии; 9) правовое содержание которого постоянно уточняется и развивается в ситуациях конфликта (споров) для запрета недобросовестного поведения и предотвращения распространения последнего;

- доказал, что современное международное право с целью быстрого купирования развития новых практик недобросовестного поведения в разных экономических сферах идет по пути создания норм – запретов известных по состоянию на сегодня видов недобросовестности, выявленных судебной практикой;

- разработал авторские определения правовых понятий: «недобросовестность», «недобросовестное поведение» и «отрицание недобросовестного поведения как метод правового регулирования», – которые до этого не выступали в качестве самостоятельных объектов научных исследований в отечественной науке права. Российская юридическая наука сосредоточена в основном на изучении принципов справедливости, добросовестности, их критериев и злоупотребления правами, тогда как требуется изучение системы (совместного существования) правовых антиподов: «добросовестности» и «недобросовестности», – которые должны рассматриваться в диалектическом единстве и с позиции компенсирующей комплементарности, т.е. дополнения противоположностей друг другом;

- показал новую проблематику развивающейся кибернедобросовестности на базе анализа известных на текущий период видов недобросовестного поведения в сети «Интернет» и с использованием цифровых технологий искусственного интеллекта, оказывающих трансграничное влияние на выбор индивидом, находящимся в любой юрисдикции, модели поведения и управляющих поведением человека как социотехнической системой. Поведение человека вследствие

оказанного на него влияния высокими гуманитарными технологиями может расцениваться как поведение с пороком воли;

- разработал новую внетерриториальную (так как киберпространство не имеет территории) общую правовую концепцию отрицания недобросовестного поведения и его унификации в сложившиеся виды, которым в рамках любой правовой системы соответствуют правовые средства защиты от недобросовестности, складывающиеся из совокупности принципов права, действующих правовых международных и национальных норм, доктрин, норм религии, морали, нравственности и культурных традиций. Разработка данной концепции потребовала привлечения не только работ по международному праву, международному частному праву и гражданскому праву, но и трудов по теории международного права и общей теории государства и права, а также некоторых исследований исторического, философского и психологического характера;

- выполнил не только классификацию видов отрицания недобросовестного поведения, но и соотнес их с коррелирующими с ними правовыми средствами защиты от недобросовестности, что изложено в отдельной таблице (Приложении 1 настоящего исследования) для практического использования в деятельности судов всех уровней;

- показал особенности эстоппеля как санкции за нарушение принципа добросовестности, раскрыв условия его применения как юридического механизма в материальном и процессуальном праве. Также новым в рамках концепции эстоппеля является выявление злоупотребления эстоппелем, что относится к недобросовестному поведению».

В целом, с учетом высказанных выше суждений об актуальности работы такая формулировка новизны может быть принята; с этих же позиций у оппонента в целом не вызывает сомнений теоретическая и практическая значимость исследования. При этом, как видно из изложения текста, – это замечание касается и некоторых формулировок положений, выносимых на защиту, автор диссертации несколько злоупотребляет формулировкой «разработано авторское понимание». С точки зрения официального оппонента, такое формулирование и ряда положений новизны, и ряда положений на защиту, не является в полной мере корректным – вопрос не в том, что имеется новое авторское определение чего-либо, а в том, какие новые (т.е.,

ранее не известные) и при этом практически и теоретически значимые положения разработал автора.

Положения, выносимые на защиту. Всего автором сформулировано 17 положений на защиту (*стр. 25 – 44 диссертации*).

В первом положении на защиту (*стр. 25 – 27 диссертации*) автор обосновал место в праве принципа добросовестности как общего принципа права, нормы *jus cogens*, сверхимперативной нормы права; делает вывод о том, что принцип добросовестности относится ко всем терминам и дефинициям понятий, обозначающих сверхимперативные принципы и нормы в международном праве и национальном праве; выделил 9 понятий, обозначающих сверхимперативные принципы и нормы.

В целом, содержание первого положения, вынесенного на защиту понятно, и может быть концептуально поддержано (как идея).

И, тем не менее, официальный оппонент хотел бы получить в ходе публичной защиты ответ на вопрос: каково и теоретическое, и практическое значение данного положения, вынесенного на защиту? Положение на защиту – это, все-таки, новая идея, которая обогащает науку. Официальный оппонент хотел бы напомнить, что диссертация на соискание ученой степени доктора наук должна быть такой научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, *совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны.* Именно с этой точки зрения хотелось бы получить ответ на поставленный вопрос.

Второе положение, вынесенное на защиту (*стр. 27 – 28 диссертации*) включает несколько тезисов, которые, по мнению официального оппонента, несколько не связаны между собой (по крайней мере, в части такой связи хотелось бы получить развернутые пояснения автора в ходе публичной защиты).

Первый тезис заключается в том, что добросовестность включает в себя требования к поведению субъектов любого правоотношения, а совокупность таких требований составляет нормы-предписания императивного характера, которые

вырабатывались обычным путем через многократно повторяющуюся практику, на которую оказали влияние нормы религии и морали, затем были сформулированы в судебных позициях, позднее нашли признание в качестве юридически обязательного правила, и, наконец, закрепление в разных нормах международного права, международного частного права и национального права. В целом это тезис можно поддержать, и при этом, официальный оппонент, как и в части первого положения, вынесенного на защиту, хотел бы получить ответ на вопрос *о теоретическом и практическом значении данного утверждения.*

Второй тезис заключается в том, что *принцип добросовестности* возникает в регулировании правоотношений сторон, имеющих равный правовой статус, который требует добросовестного отношения друг к другу, и такое стало впервые возможным в международном праве при заключении древних международных договоров о союзе и мире. В подкрепление этого тезиса, автор указывает, что принцип добросовестности (*bona fides*) существует в международном праве со времен античного мира как обычай по соблюдению международных договоров, основанный на религии и морали, когда исполнение международного обязательства подкреплялось религиозной боязнью божественной кары в случае его несоблюдения; полагает, что римское право оказало влияние на формирование всех современных национальных правовых систем, включая имплементацию (с учетом национальных особенностей) таких категорий римского права, как «*fides*» и «*bona fides*», имевших фундаментальное значение для международных отношений. Опять же, не оспаривая этого положения, которое имеет определенную основу в работе, *официальный оппонент хотел бы получить ответ на вопрос о теоретической и практической значимости данного утверждения именно как положения, вынесенного на защиту.*

Третий тезис касается уже современного права. В основе этого тезиса утверждение о том, что «*судебная практика идет по пути субсидиарного применения принципа добросовестности, тогда как принцип добросовестности предполагает свое непосредственное применение, будучи основой создания других норм права*». Это утверждение осталось для официального оппонента несколько неясным: *о какой судебной практике идет речь конкретно и как она связана с процессом создания новых норм (вторая часть указанного утверждения)?* Кроме

того, хотелось бы понять, что означает это утверждение, будучи вынесенным на защиту, какое практическое и теоретическое значение оно имеет?

С выводами **третьего положения, вынесенного на защиту** (стр. 28 - 29 диссертации), официальный оппонент в целом согласен. Да и как можно не согласиться с утверждением о том, что культурные традиции, нормы религии, морали и права влияют на формирование представления о недобросовестном поведении? И при этом, официальный оппонент не вполне понял тезис автора, что им «доказано» такое влияние – разве, рассуждает официальный оппонент, такая связь (автор пишет в этом положении – «правовая система каждого из государств при квалификации поведения в качестве недобросовестного опирается не только на нормы права, закрепляющие принцип добросовестности, но и на культурные традиции, нормы религии и морали») не является естественной, многократно подчеркнутой, выявленной в различных исследованиях?

Автор справедливо отмечает в этом положении, что «до сих пор самым эффективным и быстрым способом защиты от недобросовестности является установление в нормативных правовых актах норм-запретов появляющихся новых видов недобросовестного поведения». И при этом, официальный оппонент хотел бы услышать от автора работы ответ на вопрос: а какие еще кроме запретов существуют правовые средства «защиты от недобросовестного поведения»? В целом, как думается официальному оппоненту, именно эта часть данного положения на защиту требовала бы своего раскрытия, ведь экономические отношения в эпоху существенной турбулентности международных отношений показывают (об этом официальный оппонент писал в работах, касающихся современной российской антисанкционной политики), что спектр правовых средств гораздо шире запретов; государства, в ответ на внешнее давление используют не только запреты, но и правовые стимулы. В этой части хотелось бы получить от автора работы развернутых пояснений в ходе публичной защиты.

В **четвертом положении на защиту** (стр. 29 - 30 диссертации) доказывается «системная диалектическая взаимосвязь» принципов справедливости и добросовестности. Соглашаясь в определенной степени с подходами автора (в части справедливости здесь есть некоторые сомнения в приемлемости подхода), официальный оппонент при этом хотел бы поставить перед автором такой вопрос: *нет ли в этом положении некоторой путаницы в справедливости /*

добросовестности как идеях и справедливости / добросовестности как правовых принципах?

В положении пятом, вынесенном на защиту (стр. 30 диссертации), автор доказывает, что им обосновано, что «добросовестность» и «недобросовестность» существуют в диалектическом единстве, в связи с чем добросовестность невозможно познать и распознать без ее антипода. С этим сложно спорить, и при этом, автор хотел бы понять новизну этого положения, а также его теоретическую и практическую ценность. В этой части у официального оппонента возникают определенные сомнения; в любом случае по данным вопросам (сомнениям) официальный оппонент хотел бы получить развернутые пояснения автора в ходе защиты.

В шестом положении, вынесенном на защиту (стр. 30 – 32 диссертации), автор выделил из норм международного и национального права, судебной практики используемую юридическую терминологию отрицания недобросовестности, указав, кроме понятия «недобросовестное поведение», еще несколько (тринадцать) его синонимичных понятий. Соглашаясь с высокой оценкой проделанного исследования (в тексте работы), официальный оппонент вновь не может не поставить вопрос о том, в чем, собственно, заключается теоретическая и практическая значимость тезисов, составляющих данное положение на защиту? На этот вопрос хотелось бы получить пояснения автора в ходе публичной защиты.

Седьмое положение на защиту (стр. 32 – 33 диссертации) вызывает у официального оппонента возражение.

Во-первых, есть замечания технического характера: не вполне понятно, что означает формулировка *«впервые сформулировано авторское юридическое понятие «недобросовестное поведение» в праве...»* – «впервые» сделано что? Автор для себя впервые что-то сформулировал (тогда это не предмет защиты)? Ранее (до автора) никто не формулировал что-то? Или что-то еще?

Во-вторых, почему автор связывает «недобросовестное поведение» только с «негативными экономико-правовыми последствиями»? А других (неэкономического характера) последствий возникнуть не может?

В-третьих, может ли, все-таки, существовать недобросовестное поведение, которое не имеет прямых (да и косвенных) негативных последствий у других акторов (участников отношений), *но оно признается таковым в принципе*, поскольку право его отрицает (к примеру, негативная фиктивность, которая может в

определенный период времени и не создавать ни для кого конкретно негативных последствий, но право ее отвергает как потенциально опасную для правоотношений (об этом официальный оппонент писал в ряде работ, посвященных вопросам номинализма (подставного характера) при создании и деятельности юридических лиц))?

Восьмое положение, вынесенное на защиту (стр. 33 – 35 диссертации) для официального оппонента осталось несколько неясным; по нему хотелось бы получить пояснения автора в ходе публичной защиты; если официальный оппонент правильно понял содержание этого положения, то речь идет о возможных подходах к обоснованию «уступки» государства части своего суверенитета. Насколько обоснованны такие подходы автора, учитывая как текущее развитие международных отношений, так и перспективы их развития в ближайшие годы?

Не вполне понятна техническая сторона изложения этого положения; автор пишет, что им «даны рекомендации по разрешению вопроса о том, насколько необходимо закреплять юрисдикцию определенного государства над киберпространством для целей осуществления государственного контроля за нарушениями принципа добросовестности в киберпространстве». Хотелось бы уточнить – кому конкретно автор дает «рекомендации»?

Девятое положение, вынесенное на защиту (стр. 35 – 37 диссертации), посвящено исключительно актуальной проблематике – выделению сложившихся в киберпространстве «практик» недобросовестного поведения. Эта сфера является новой; в силу этой новизны многие традиционные подходы к регулированию отношений требуют корректировки (здесь даже примеров не надо много приводить – достаточно напомнить «волну» мошенничества, осуществляемого в последние годы в сети «Интернет» с использованием телефонов).

Однако для официального оппонента остались несколько неясным как стиль изложения этого положения, его содержание, а также выводы.

В частности, автор приводит различные примеры недобросовестного поведения, используя при этом сложившийся англоязычный вокабуляр – «киберсквоттинг», «дип-фейки», «кубербуллинг», «фишинг» и т.д. Первый вопрос, который возникает – насколько вообще корректно «переносить» в правовую сферу эти понятия? Возникает и вопрос другой: а что, собственно, предлагает автор в этом положении? Это для оппонента осталось неясным. Так автор пишет, что «средствами защиты от трансграничного цифрового недобросовестного поведения

являются цифровые средства, которые требуют правового закрепления» и приводит в пример «блокчейн или его аналог «мастерчейн» как инструменты защиты от недобросовестных действий при выдаче цифровых банковских гарантий» (неясно, какое это имеет отношение к сфере защиты права вообще; в чем тут защитная функция и проч.), «использование таких средств идентификации субъекта цифровых прав, как наделение субъекта кодом идентификации» (что конкретно стоит за этим предложением, вообще неясно), «введение запретов недобросовестного цифрового поведения, оказывающего влияние с помощью цифровых технологий на поведение больших групп людей с помощью использования информации, адаптированной к психологическим потребностям целевых аудиторий» (запрет-то можно ввести, но автор собирается его реализовывать, не останется ли он ничем не подкрепленной мерой?), «определение исчерпывающего перечня субъектов, имеющих право на использование Больших данных («Big data»), и установление пределов использования этих данных» (здесь вообще у оппонента вопрос, что автор имеет в виду – в нашем праве нет в н.в. понятия «Большие данные») и т.д. Эти предложения показали официальному оппоненту недостаточно проработанными; как минимум, их изложение в качестве положений на защиту должно было быть совершенно иным.

В этом же положении автор пишет, что «право в текущем моменте не учитывает влияние высоких гуманитарных технологий (Hi-Hume-технологий) на поведение физических лиц (их целевые группы) и не использует тот факт, что эти технологии могут разрушать механизмы саморегуляции человека, в связи с чем поведение субъекта правоотношения под влиянием технологий «можно квалифицировать как поведение с пороком воли»». Вот этот момент, по мнению официального оппонента, является исключительно важным и заслуживающим развития, ведь такие выводы (о пороке воли) имеют самое серьезное влияние на гражданско-правовые отношения. Если перед нами порок воли, то каков это порок воли (как его квалифицировать с точки зрения известных таксономий)? Каково будет влияние такого решения на стабильность гражданского оборота? Эти вопросы остались без ответа и эти ответы официальный оппонент хотел бы получить в ходе публичной защиты.

Очень важным положением на защиту представляется десятое (стр. 37 диссертации), где автор делает попытку отграничить ошибку от недобросовестного поведения. Квалификация поведения как ошибочного и недобросовестного имеет

кардинально противоположные правовое последствия для субъекта правоотношения. Очень правильным является вывод автора о том, что ошибка не должна являться проявлением недобросовестности. С содержанием этого положения на защиту официальный оппонент в целом согласен.

Одиннадцатое положение, вынесенное на защиту (стр. 37 – 38 диссертации), для официального оппонента осталось неясным ни по цели его включения в перечень положений на защиту, ни по его содержанию. Любая классификация может быть вынесена в качестве положения на защиту только в том случае, если понятно, какое конкретно она имеет юридическое значение. Пример – классификация оснований недействительности сделки – она имеет исключительно важное значение для определения пороков сделки и их последствий (включая вопросы давности). Какое значение имеет классификация, составившая содержание указанного положения на защиту, официальный оппонент не понял и хотел бы получить аргументированные и развернутые объяснения в ходе публичной защиты.

Двенадцатое положение, вынесенное на защиту (стр. 38 – 39 диссертации), касается доказывания существования самостоятельного метода правового регулирования, присущего принципу добросовестности, в связи с чем автор сформулировал понятие «отрицание недобросовестного поведения» и раскрыл его значение в праве – через отрицание как способ правового регулирования суд определяет границы осуществления прав.

К этому положению у официального оппонента имеется ряд вопросов:

- автор использует понятие «метод правового регулирования», «присущего принципу добросовестности»; получается, что методом обладает принцип. Хотелось бы уточнить у автора корректность такого утверждения; может быть, речь идет о содержании принципа, а не о методе?

- какое теоретическое, но самое главное, практическое значение, имеет данное положение?

С тринадцатым положением на защиту (стр. 39 – 40 диссертации) довольно сложно спорить – перед нами «классификация видов отрицания недобросовестного поведения». И при этом, хотелось бы понять, почему именно эти виды отрицания сформулированы в данной классификации? Насколько она охватывает все имеющиеся виды отрицания? Однако самый главный вопрос по этому положению аналогичен замечаниям к одиннадцатому положению на защиту

– какую цель и значение имеет данная классификация? В ходе публичной защиты хотелось бы получить ответ на поставленный вопрос.

Возможно, часть ответа на него могла бы содержаться в **четырнадцатом положении на защиту** (стр. 40 – 41 диссертации), где автор пытается определить правовые средства, с помощью которых осуществляется защита принципа добросовестности в каждом из видов отрицания недобросовестного поведения. Однако даже с учетом Приложения № 1 к диссертации – Таблицы соотношения видов и правовых средств отрицания недобросовестного поведения (стр. 474 – 486 диссертации) – ответ на свой вопрос официальный оппонент не нашел.

Содержание **положения пятнадцатого, вынесенного на защиту** (стр. 41 – 43 диссертации), для официального оппонента осталось неясным. Автор в нем доказывает наличие свойства нормативной автономности у принципа добросовестности для целей его применения судами в рамках судебного усмотрения. Хотелось бы получить в ходе защиты развернутые комментарии в части практической реализации указанного положения, вынесенного на защиту. Аналогичное замечание возникло у официального оппонента и в части **шестнадцатого положения на защиту** (стр. 43 – 44 диссертации).

Семнадцатое положение, вынесенное на защиту (стр. 44 диссертации), доказывает, что эстоппель в материальном и процессуальном праве действует как санкция за нарушение требований принципа добросовестности в момент установления судом фактических обстоятельств, свидетельствующих о противоречивом и непоследовательном поведении стороны спора. В целом, с этим положением официальный оппонент согласен.

Все семнадцать положений, вынесенных на защиту, соответствуют паспортам научных специальностей 5.1.5. Международно-правовые науки (пунктам 1, 2, 6, 8, 21, 29) и 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (пунктам 1, 2, 3, 4, 10, 12), что нашло корректное отражение во введении диссертации.

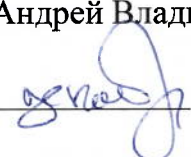
Выводы. Высказанные в настоящем отзыве замечания не умаляют значимости диссертационного исследования и являются дискуссионными; с точки зрения официального оппонента, совокупность разработанных диссертантом теоретических положений имеет существенное значение для развития гражданского и международного права; диссертация написана автором самостоятельно; диссертация является результатом многолетних исследований автора, основные

положения которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях из перечня, утвержденного в установленном порядке; диссертант хорошо известен своими работами в научной сфере, количество которых значительно и соответствует установленным требованиям. Результаты проведенного диссертантом исследования прошли апробацию в ходе научных и научно-практических мероприятий.

Диссертация Седовой Жанны Игоревны на тему «Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научных задач, имеющих важное значение для развития наук международного публичного права, международного частного права и гражданского права, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г., и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа № 02-0355 от 28.02.2024; приказ об изм. № 02-1711 от 03.09.2024), а Седова Жанна Игоревна заслуживает присуждения ей ученой степени доктора юридических наук по специальностям 5.1.5 – Международно-правовые науки и 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:
доктор юридических наук,
член-корреспондент РАН (право),
Заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник
ФГБУН Институт государства
и права Российской академии наук

Габов Андрей Владимирович

«03» 2024 г.

Контактные данные:

Тел.: 7(495) 691-38-27, e-mail: gabov@igpran.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 12.00.03 – «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»

Адрес места работы:

119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10, ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук, сектор предпринимательского и корпоративного права. Тел.: 7(495) 691-38-27, e-mail: gabov@igpran.ru

